

13 ЯНВ 1962

Династии и традиции

МЫ СИДЕЛИ вдвоем в небольшой артистической уборной — Борис Павлович Манжелли и я. До выхода на манеж оставалось всего несколько минут, а Манжелли продолжал невозмутимо рассказывать, забыв, казалось, о времени. Я новичок в цирке, поэтому невольно вздрогнул, услышав рядом голос из обычного комнатного репродуктора, произносивший отрывисто: «...Выход ...Манжелли ...приготовиться...».

Мой собеседник вернулся через несколько минут и больше ничто не прерывало его рассказа, рассказа о своем отце, о первом учителе отца — Жижетто Труцци, о сыне его — знаменитом Вильямсе Труцци, немного о себе и еще о том, как судьбы этих людей, во многом схожие и в то же время очень различные, переплетались в Тбилиси, навсегда покорившем их, оставившем след в их памяти, сердцах, творчестве...

Девяностые годы прошлого столетия... Никто тогда не называл маленького Павлушу звучным именем «Манжелли», как, впрочем, вообще не называли его по фамилии. Покинув родную Харьковщину, мальчик шагал по тракту, в надежде добраться до города... В ту ночь судьба послала ему стог сена, одинокого стоявший среди убранных хлебов. Зябко. Темно... Хотелось плакать... И вдруг в ночную тишину врывается конское ржание, скрип колес, людские голоса. Мальчик со всех ног бегит к высоким повозкам. Его сажает на телегу, кормят... С нескрываемым любопытством смотрит на него стройный ребенок одних с ним лет. Так встретились будущий Манжелли-старший с Вильямсом Труцци — будущим знаменитым наездником, с его отцом и дядей — наездником Жижетто и музыкантом Энрико Труцци.

Первая встреча была, однако, недолгой. Труппа довезла мальчика до Полтавы, и пошел Павлушка «в люди», учеником к антекарию. Финал «дебюта» Павлушки на трудовом поприще был несколько неожиданным: но типичным: мальчик посмел обороняться от напавшего на него хойзского пса, за что и был незамедлительно выброшен на улицу. Куда же теперь? И ноги сами понесли ребенка в сторону площади, где раскинулся яркий шатер, где люди в пестрых одеждах приглашали «почтеннейшую публику» посетить цирк Труцци!..

Так, начав с мелких услуг, с ухода за лошадьми, с работы в труппе за хлеб и ночлег, мальчик стал затем жокеем и берейтором, навсегда сохранив при этом благодарность к первому своему наставнику — Жижетто Труцци.

В 1907 году в Тифлисском цирке Есиковского состоялся дебют Павла Афанасьевича Манжелли...

Манжелли (этот псевдоним присвоил ему Жижетто) часто рассказывал сыну о первых репетициях Вильямса Труцци, о его «почерке», о ему одному свойственных движениях, жестах и приемах, так ярко проявившихся во время дебюта Вильямса Труцци, ксильбелю для которого также явился Тифлисский цирк. Спустя 12 лет, в 1921 году, Борис Манжелли тоже дебютировал в Тбилиси.

Жижетто и Энрико выступали не у Есиковского, в здании по тому времени удобным и хорошо оборудованном, а в цирке братьев Никитиных, расположенном на месте нынешнего здания «Зари Востока»...

— И знаете, отец неоднократно повторял, — говорит Борис Павлович Манжелли, — что он любил выходить на тифлисский манеж благодаря зрителям, взыскательным и простым, видевшим в цирковом артисте не только фигляра...

— Ну а вы, Борис Павлович, какие чувства испытываете вы, бывая в нашем городе?

— Я дебютировал на манеже в Тбилиси в шестилетнем возрасте. Время было другое... Сейчас мы, артисты цирка, выходим на манеж во имя народного искусства, продолжая традиции известных цирковых династий. Для каждого из нас Тбилиси бесконечно дорог, как по дореволюционным, так и по последующим выступлениям.

И у Никитиных, и в деревянном цирке на Верийском спуске с удовольствием выступали лучшие мастера арены, а сейчас...

— А сейчас, Борис Павлович, как вы думаете, понравился бы «крестнику» нашего города Вильямсу Труцци новый цирк?

Манжелли становится серьезным:

— Ни Труцци, ни старший Дуров, ни мой отец ни о чем подобном не могли и мечтать, — негромко говорит он и заканчивает, вновь повеселев: — А наш Тбилисский цирк, по мнению всех знакомых мне артистов, а знаю я, поверьте, многих, лучший в Европе...

В. ТВАЛИШВИЛИ.